

Александр ГОРОДНИЦКИЙ,
бард, член жюри Букеровской премии:

Я готов к разумным компромиссам

Завтра будет объявлен шорт-лист одной из самых авторитетных литературных премий, которая с этого года носит название «Букер—Открытая Россия». Помимо профессиональных литераторов, в жюри этой премии традиционно входят и «представитель общественности». На сей раз это доктор геолого-минералогических наук, профессор Института океанологии РАН, поэт и бард Александр ГОРОДНИЦКИЙ. С ним беседует обозреватель Юлия РАХАЕВА.

— Насколько вы в курсе относительно плачевной судьбы своих предшественников?

— Вообще не в курсе. А что, с ними что-то случилось?

— Все, слава богу, живы. Но каждому в конце букеровского цикла доставалось по полной программе от критиков и журналистов.

— Один из бывших председателей букеровского жюри Станислав Борисович Рассадин, с которым мы вместе отъехали в Малеевке, сказал: «Что? Тебя в жюри ввели?! Я не хочу, конечно, тебя обидеть, но до чего же они докатились!» Так что я уже получил, еще ничего не сделал. А потом добавил: «Ну, уж лучше ты, чем Алла Пугачева».

— Вы следите за современной русской литературой?

— В том-то и штука, что я лишь время от времени в отпуске пролистывал толстые журналы. А тут пришлось сразу прочитать 45 романов.

— Что такое, по-вашему, роман?

— Сегодня это понятие в значительной степени размыто, причём только у нас. В Англии,

например, роман существует как незыблемая форма. Думаю, что роман — это крупное произведение, охватывающее не только значительный объём времени и человеческих судеб, но и большое количество мыслей, сообщений, поворотов, философских концепций. То есть это наиболее всеобъемлющая, универсальная литературная форма. «Мастер и Маргарита» — безусловный роман. Так же как и «Генерал и его армия». А дальше начинаются игрушки, роман начинает разубоживаться — от слова «убогий».

— Каково процентное соотношение того, что читалось если и не с удовольствием, то с интересом, — и всего остального?

— КПД невысокий, процентов 15. Остальное без необходимости я читать бы не стал.

— Ваш личный шорт-лист будет из этих 15 процентов?

— Вовсе нет. Мало ли что я читаю с интересом! Я читатель старомодный, но это никак не повлияет на мою оценку. Буду взвешивать все плюсы и минусы. Постараюсь быть объективным.

— Произошли ли какие-то открытия? Благодарны ли вы

судьбе за то, что она вас сделала членом жюри этого года?

— Открытия произошли, но не за все я благодарен судьбе. Я был неприятно поражен, как человек своего поколения, тем, что неформальная лексика уже является дозволенным приемом, что насилие и «чернуха» стали непременным условием существования современного романа. Есть и хорошие открытия. Первое — то, что больше нет двух литератур — создаваемой в России и в зарубежье, а есть единая русская литература. Многие номинанты этого года живут и пишут за границей. Второе — современная проза очень мастеровитая. И третье — все произведения актуальны, в них отражены болевые точки сегодняшней российской жизни, откровенной развлекухи для ску-

чающей публики нет совсем.

— Было ли что-то, что для вас вылилось ударом в солнечное сплетение? Не новый Гоголь, но хотя бы новый кто-то явился?

— К великому сожалению, ничего такого не произошло. И не только для меня: сложность работы жюри в том, что, если раньше бывали очевидные лидеры, например, роман Владимова «Генерал и его армия»; то в этом году такого лидера нет.

— Вы, наверное, слышали, что порой и шорт-лист, и тем более победитель Букера — результаты чудовищных компромиссов...

— Такова судьба любых конкурсов. Точно так же проводятся выборы у нас в Академии наук: ты мне уступаешь того, я тебе этого, в результате проходит явный аутсайдер. В данном случае я вне литературного процесса, а следовательно, вне определенных отношений.

— Лично вы готовы идти в отстаивании своих 15 процентов до конца — или пойдете на компромисс?

— Я готов к разумным компромиссам.

— Пришлось ли вам ради интенсивного чтения и работы в жюри скорректировать свои планы, отказаться от каких-то экспедиций?

— А у нас сейчас нет никаких экспедиций, потому что нет денег.

— А как поживает ваша Атлантида?

— Она поживает плохо, потому что ее никто не ищет.

Цувения — 2002 — 1 окт. — с. 10